

Korina, Natal'ja

Лингвокогнитивные и ареальные отличия в параллельных явлениях словацкой и русской фразеологии

Новая русистика. 2010, vol. 3, iss. 2, pp. [33]-47

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116146>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Наталья КОРИНА
(Нитра)

Лингвокогнитивные и ареальные отличия в параллельных явлениях словацкой и русской фразеологии

Cognitive Aspects of Slovak-Russian Language Parallelism

This paper runs about the cognitive specifics of Russian and Slovak phrases with the similar derivative and semantic structure. They are mostly different by one lexical component that occurs to be the nucleus of the national mention specifics of the phrase. The main opposite concepts of Russian and Slovak languages like High – Wide, Limited – Unlimited, Opened – Closed, Abstract – Concrete, are analyzed. The author comes with the hypothesis about the impact of the environment geomorphological structure on the forming of conceptual sphere of each language.

Объективно явления языкового параллелизма всех уровней могут быть вызваны тремя основными причинами: а) генетическим родством языков, в которых параллельные явления возникли на общей основе; б) типологическим сходством, когда аналогичная структура обуславливает аналогичное развитие связанных с ней явлений и в) ареальным взаимодействием, когда определённое явление распространяется на определённой территории независимо от структуры существующих на ней языков (пример тому – языки Балканского языкового союза). В то время как генетическая и типологическая классификации рассматривают в первую очередь внутриязыковые механизмы развития, ареальная классификация охватывает более широкую сферу, поскольку распространение любого языкового явления в значительной

степени определяется экстралингвистическими факторами (интенсивностью и характером языковых контактов, характером торгово-экономических связей, геоморфологическими условиями обитания народов, распространённостью определённых предметов обихода (и, как следствие, их номинация и разнообразие дериватов от этих названий) в быту конкретных народов, общностью традиций и т. п.). Таким образом, в ареальной характеристике явлений присутствует интердисциплинарный аспект, что приближает её к когнитивной характеристике, охватывающей все проявления национальной ментальности в языке и речемыслительных процессах в целом. В силу универсальности человеческой мысли когнитивный подход к языку является наиболее всеобъемлющим, своего рода надстройкой над всеми вышеперечисленными аспектами, и различия на этом уровне отражают не индивидуальные особенности отдельно взятого языка, но свойства национального архетипа. Иными словами, с продвижением от генетического и типологического аспектов через ареальный к когнитивному мы рассматриваем язык все более экстралингвистически, включаем языковые явления в многоаспектные парадигмы функционирования человека и общества в целом.

С этой точки зрения любое языковое явление может рассматриваться как когнитивно обусловленное, поскольку в цепочке «процесс мышления – процесс речепорождения – речь» сама речь (*parole*) как реализация языка (*langue*) непосредственно обусловлена ментальными процессами, типичными для носителя данного языка.

Наиболее благодатная почва для лингвокогнитивных исследований – это, конечно же, фразеология, поскольку её образность как нельзя лучше отражает особенности национальной ментальности и мировосприятия каждого народа. Кроме того, фразеология представляет собой один из древнейших пластов языка, в ней в языковой форме отражены народные традиции и верования – иными словами, это концентрированное образное воплощение языковой картины мира данного народа.

Поскольку фразеология, в отличие от лексики, не является объектом детальной лингвогеографической (и, соответственно, ареальной) паспортизации, было бы любопытно проследить параллелизм когнитивно обусловленных фразеологических явлений в языках, которые являются генетически родственными, однако на протяжении своей истории длительно не имели непосредственных языковых и территориальных контактов, вследствие чего под влиянием контактирующих языков других типов в них стали развиваться типологические отличия. Для этой цели как нельзя лучше подходит пара *словацкий – русский языки*. Наше исследование будет опираться на такие фраземы, которые при своём очевидном структурно-семантическом параллелизме содержат разные лексические компоненты, отражающие специфику национальной ментальности. За основу возьмём уже проделанную коллегами со-

Лингвокогнитивные и ареальные отличия

поставительную работу – словарь «Словацкие, русские и немецкие фразеологизмы» (Ю. Гловня – Ю. Линднер – У. Обст), изданный в Нюмбрехте в 2007 г.,¹ добавив свои комментарии. Сначала представим их в виде краткой обзорной таблицы с буквальным переводом словацких фразем на русский язык, а затем постараемся отыскать причины, обусловившие возникновение лексических отличий при полной или частичной структурно-семантической аналогичности.

Данное исследование проводится в рамках грантового проекта VEGA № 1/0293/09 «Когнитивное пространство филологической науки XXI века».

Таблица 1. Явления структурно-семантического словацко-русского параллелизма во фраземах с различными лексическими компонентами.

№	Русский	Словацкий	Буквальный перевод словацкой фраземы	Значение фраземы по ФСРЯ
1.	зарубить (себе) на носу	zapísať si za uši	записать себе за уши	'запомнить крепко-накрепко, навсегда' (170)
2.	до седьмого пота	do zadržatia kože	до сдирания кожи	'до крайнего утомления, до полного изнеможения' (347)
3.	пригреть змею на (своей) груди	pustiť (si) hada do rukáva	впустить (себе) змею в рукав	'проявлять внимание, заботу, любовь и т. п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью' (305)
4.	заткнуть за пояс	strčiť do vrecka	запихнуть в карман	'превзойти в чём-л.' (171)
5.	быть не в своей тарелке	nebyť vo svojej koži	быть не в своей коже	'не в обычном для себя состоянии; стесненно, неловко, неудобно' (472)
6.	как сыр в масле кататься	mať sa ako červík v syre	поживать как червячок в сыре	'жить в довольстве, в достатке' (196)

¹ Glovňa, J. – Lindner, J. – Obst, U.: Slovakische, russische und deutsche Phraseologismen. Ein Handbuch für Studierende. Nümbrecht: Kirsch Verlag, 2007. 284 s. ISBN 978-3-933586-51-3.

7.	готов(а) сквозь землю провалиться	vopchal/a by sa do myšacej diery	влез(ла) бы в мышиную нору	'острое желание исчезнуть, скрыться куда-л. от стыда, страха и т. п.' (119)
8.	душа ушла в пятки	srdce spadlo do nohavíc	сердце упало в штаны	'кто-л. испытывает сильный страх' (150)
9.	вкладывать душу во что-л.	vkładať sa do niečoho celým srdcom/telom	вкладывать во что-л. всё сердце/тело	'целиком, полностью отдаваться чему-л.; делать что-л. с любовью, увлечением, старанием' (70)
10.	с открытой душой	s otvoreným srdcom	с открытым сердцем	'без предубеждений; искренне, доверчиво, откровенно (относится к кому-л., делать что-л. и т. п.)' (153)
11.	(поговорить) по душам	porozprávať otvorene/na rovínu	поговорить открыто	'искренне, чисто-сердечно, откровенно' (151)
12.	перебиваться с хлеба на квас	žiť z ruky do úst	жить из руки в рот	'жить очень бедно, терпеть нужду, лишения' (313)
13.	жить на широкую ногу	žiť na vysokej nohe	жить на высокой ноге	'богато, роскошно, не стесняясь в средствах' (284)
14.	и в мыслях не было	ani v päte to nemá	и в пятке (у него/неё) этого нет	'не иметь подобного намерения, совершенно не задумываться о подобном' (во ФСРЯ отсутствует)
15.	подложить кому-л. свинью	pustiť niekomu blchu do kožucha	запустить кому-л. блоху в тулуп	'подстраивать втихомолку какую-л. неприятность, гадость и т. п.' (329)
16.	море по колено кому-л.	svet mu/jej je gombička	(белый) свет ей/ему (как) пуговка	'всё нипочём, ничто не страшно для кого-л.' (254)
17.	строить кому-л. козни	šit' búdu na niekoho	делать («шить») на кого-л. будку	'исподтишка делать кому-л. гадости, интриги' (во ФСРЯ отсутствует)

Лингвокогнитивные и ареальные отличия

18.	взяться за ум	vziať si rozum do hrsti	взять разум в пригоршню	'становиться благоразумнее, рассудительнее; образумливаться' (48)
19.	молоть/чесать языком	mať reči ako koza bobkov	(иметь) разговор как у козы помёта	'заниматься пустой болтовнёй, пустословить' (525)
20.	(иметь) по уши чего-л./кого-л., сыт(а) по горло кем-л./чем-л.	mať plné zuby (koho/čoho)	иметь полные зубы кого-л./чего-л.	'сверх всякой меры пресыщен чем-л.' (468)
21.	залить глаза/горе	otráviť červíka	отравить червячка	'напиваться пьяным' (167)
22.	видеть кого-л. насквозь	vidieť niekomu do žalúdka	видеть кого-л. до желудка	'хорошо знать кого-л., его мысли, намерения и т. п.' (67)
23.	сгорать от/со стыда	hanbiť sa ako pes	стыдиться как собака	'испытывать чувство сильного стыда; стыдиться' (416)
24.	махнуть на что-л. рукой	zavesiť niečo na klinec	повесить что-л. на гвоздь	'перестать обращать внимание; перестать заниматься кем-л. или делать что-л.' (239)
25.	кормить завтраками	preťahovať niekomu medové motúzy popod nos	протягивать кому-л. под носом мёдом смазанные верёвки	'неоднократно обещать сделать что-л. и не выполнять обещаний' (207)
26.	сводить концы с концами	byť riedkou plachtou prikrýť	быть накрытым тонкой простынёй	'с трудом справляться с нуждами' (414)

Даже на этом ограниченном материале выразительно наблюдаются четыре основных линии различий между параллельными русскими и словацкими фраземами: 1) открытость в противовес закрытости, 2) пространственная неограниченность в противовес пространственной ограниченности, 3) широта

в противовес высоте и 4) абстрактность в противовес конкретности. Именно они представляют собой фреймы, характерные для концептосферы русского и словацкого языков соответственно. Следуя в русле идей Д. С. Лихачёва (Лихачёв 1997), мы по мере накопления и разработки материала находим всё больше подтверждений тому, что на формирование концептосферы конкретного языка оказывает влияние геоморфологическая структура среды обитания говорящего на этом языке народа. Так, словаки, живущие преимущественно в гористой местности, чаще оперируют понятиями «высокий», «закрытый», «ограниченный» и, как следствие естественного для них пространственного ограничения, больше склонны к конкретности. Для русских, живущих преимущественно в равнинном ландшафте, более естественны понятия «широкий», «открытый», «неограниченный» и, как следствие неограниченности, стремящейся к бесконечности, для них более характерна абстрактность в характеристиках. С рельефом территории связаны и ареальные особенности этих языков: диффузные зоны перекрывания ареалов различных типов (фонетических, лексических, морфологических и т. п.) более пространственны и аморфны на русских языковых территориях и более компактны на словацких, где пространственность ограничена (см.: «Диалектологический атлас русского языка» в 3-х вып., «Atlas slovenského jazyka» в 4-х тт. и др. лингвогеографические источники – подробный перечень см. в нашей монографии «Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны» (Киселёва, 2002).

Близкие национальной ментальности понятия отражены также в системе традиционных ценностей народа, закреплённой в концептосфере его языка и отражённой в его фразеологии. Так, концепты «Богатство» и «Роскошество» в русском языке включают в себя фрейм «Широта», в то время как в словацком языке – фрейм «Высота»: как мы видим из таблицы 1 (№ 13), значению 'жить богато, роскошно, не стесняясь в средствах' (ФСРЯ, с. 284) в русском и словацком языках соответствуют структурно и семантически аналогичные фраземы, отличающиеся всего одним лексическим компонентом, который заключает в себе вышеупомянутые фреймы – рус. *жить на широкую ногу*, словц. *žiť na vysokej nohe*.

На данной фраземе мы остановимся отдельно как на особенно показательном примере концептуальных различий между родственными языками. Дело в том, что в славянских языках она является заимствованием из западноевропейских – нем. *auf grossem Fuss leben*, франц. *vivre sur un grand pied* 'жить на широкой ноге/на широкую ногу' (Мелерович – Мокиенко 2005, с. 450; Лепешаў 1981, с. 97; Glovňa – Lindner – Obst 2007, сс. 56, 121, 210) и связана с реалией, возникшей в XII в. (Мелерович – Мокиенко 2005, с. 450; Алефиренко – Золотых 2008, с. 247; Лепешаў 1981, с. 97), поэтому и в русском, и в словацком языках у данной фраземы есть абсолютно структурно

Лингвокогнитивные и ареальные отличия

идентичный синоним с лексическим компонентом «большой»: рус. *жить на большую ногу* (ФСРЯ, с. 283), словц. *žiť na veľkej nohe* (Smiešková 1974, с. 276; Glovňa – Lindner – Obst 2007, сс. 56, 121, 210), однако в словацком языке он является менее частотным, о чём свидетельствует его отсутствие в современных фразеологических словарях меньшего объёма (Habovštiaková – Krošláková 1996, с. 54), а в русском и вовсе устаревшим (ФСРЯ, с. 283). Трансформации, которые претерпела изначально идентичная во всех славянских языках фразема, подтверждают концептуальную обусловленность использованных в ней лексических компонентов, а вместе с тем и наше предположение о влиянии геоморфологических факторов на формирование национальной концептосферы языка. Из нескольких фразеологических синонимов и вариантов одной и той же фраземы, существующих в языке-источнике, заимствующий язык всегда отбирает то, что ближе к его когнитивной структуре и гармонично вписывается в его концептуальное пространство. Поэтому русский язык селекционировал компонент «широкий», а словацкий – компонент «высокий», сделав эти варианты приоритетными в употреблении. Сопоставление материала различных фразеологических словарей подтверждает, что исходный вариант с компонентом «большой» в русском языке вышел из активного употребления, так же, как и его последующая модификация, содержащая историзм «барский» (*на барскую ногу* – см.: Мелерович – Мокиенко 2005, с. 450; Жуков 2007, с. 275; Алефиренко – Золотых 2008, с. 247 и др.), а в словацком по частотности уступает фраземе с компонентом «высокий» (Habovštiaková – Krošláková 1996, с. 54 и др.). Наше предположение подтверждает и комментарий к истории данного фразеологизма в белорусском языке, данный И. Я. Лепешевым в «Этимологическом словаре фразеологизмов»: «Ещё в середине прошлого (т. е. XIX – прим. Н. К.) века вместо непонятого по своей образности *на большую ногу* стали употреблять *на широкую ногу*, где адъективный компонент ассоциировался с **таким значением слова *широкий*, как 'ничем не ограниченный'** (выделение наше – Н. К.). В такой форме фразеологизм употребляется и в белорусском языке» (Лепешаў 1981, с. 97 – перевод Н. К.). В подкрепление нашей точки зрения приведём также высказывание Н. Ф. Алефиренко: «Интерпретационная природа концептов и фреймов выражается в одинаковом наборе минимальных смысловых элементов – сем. Однако в каждом из языков они (семы) подвергаются неповторимой комбинации. Именно индивидуальность семных комбинаций создаёт этнокультурное своеобразие фразеологических значений, определяя тем самым специфику глубинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков» (Алефиренко 2008, с. 163). Таким образом, мы убеждаемся, что результаты естественного отбора, производимого языком на протяжении его исторического развития, – наилучший показатель его когнитивных приоритетов.

Для наглядности проведём краткий русско-словацкий сопоставительный обзор вышеупомянутых концептов, субконцептов и понятий. Буквальный перевод словацких фразем для сравнения их лексического состава с русскими см. в таблице 1.

1. «Открытость» – «Закрытость». Для русской ментальности в целом характерна открытость, которая выступает как один из основных её концептов (во фразеологии он выражается, в частности, такими фраземами, как *душа нараспашку, весь наружу, рубаха-парень* и др. (Алефиренко – Золотых 2008, с. 118). Однако открытость не как константа, но как конкретная характеристика в противоположность закрытости выступает и на уровне субконцепта, входящего в пространство данного концепта. В представленных ниже русских фраземах содержится лексическое выражение открытости, заметности либо (как правило, в случае заимствований типа *сорвать куш*) открытость лексически не эксплицируется, однако нет никакого указания на возможную закрытость упомянутого предмета, в то время как все словацкие эквиваленты содержат лексически выраженную закрытость, труднодоступность, спрятанность.

Таблица 2. Субконцепт «Открытость» в русской фразеологии в противовес субконцепту «Закрытость» в словацкой фразеологии.

<i>русский</i>	<i>характеристика</i>	<i>словацкий</i>	<i>характеристика</i>
зарубить (себе) на носу	на видном, открытом месте	zapísať si za uši	на скрытом, закрытом месте
пригреть змею на (своей) груди	открытое пространство	pustiť (si) hada do rukáva	закрытое пространство
держат нос по ветру	открытое пространство	prevracať kabát	закрытое пространство, направление <i>внутри</i>
заткнуть за пояс	видное место, достаточно открытое пространство	strčiť do vrecka	закрытое пространство
быть не в своей тарелке	открытое пространство	nebyť vo svojej koži	закрытое пространство, <i>внутри</i>
как сыр в масле кататься	открытое пространство	mať sa ako červík v syre	закрытое пространство
готов(а) сквозь землю провалиться	закрытость не эксплицирована	vopchal/a by sa do myšacej diery	закрытое пространство

Лингвокогнитивные и ареальные отличия

(выпить) до (последней) капли	открытость/закрытость не эксплицирована	nevyleje za golier	закрытое пространство
сорвать куш	открытость/закрытость не эксплицирована	romastiť si črievka	закрытое пространство

2. «Неограниченность» – «Ограниченность» (пространственная). Живя в горных районах, словаки привыкли воспринимать окружающий мир в точных границах, обозначенных горами. Поэтому одно из наиболее важных требований общественной морали – каждый должен точно знать свои границы (*človek musí poznať odkiaľ pokiaľ*). Русские, наоборот, привыкли ни в чём себя морально не ограничивать и жить так же безбрежно, каковы бесконечные равнины вокруг. Для русского типично, например, *жить не по средствам*. Там, где границы чётко обозначены, русский человек начинает ощущать потерю свободы. Поэтому и во фразеологии в тех случаях, когда словацкий эквивалент содержит элемент пространственного ограничения, русский либо содержит элемент пространственной неограниченности, либо вовсе не эксплицирует пространственный компонент:

‘искренне, доверчиво, откровенно’: рус. (*принять кого-л.*) с *открытой душой* (неограниченность, у души границ нет) – словц. (*prijat’*) s *otvorenou náručou* (пространство ограничено объятием),

‘оказываться в сложном, трудном, опасном или неприятном положении’: рус. *попасть в переплёт* (без пространственной привязки) – словц. *tečie mu/jej za golier* (ограниченное пространство),

‘тратиться много и без видимой причины’: рус. *сорить деньгами* (общее утверждение без пространственной привязки) – словц. *nosiť deravú kapsu* (ограниченное пространство),

‘полностью подчинить себе кого-л., заставить кого-л. делать всё, что ему прикажут’: рус. *верёвки вить из кого-л.* (нет пространственного ограничения) – словц. *omotať si niekoho okolo prsta* (замкнутое, ограниченное пространство),

‘недостижимость цели’: рус. *близок локоть, да не укусишь* (нет эксплицитного пространственного ограничения) – словц. *cez sklo med lízat’* (пространственная ограниченность, барьер на пути),

‘становиться благоразумнее, рассудительнее; образумливаться’: рус. *взяться за ум* (нет пространственной привязки) – словц. *vziať rozum do hrsti* (ограниченное пространство),

‘жить очень бедно, терпеть нужду, лишения’: рус. *перебиваться с хлеба на квас* (общее утверждение без пространственной привязки) – словц. *žiť z ruky do úst* (ограниченное пространство, причём сведённое практически к линейности),

’попрекать кого-л. чем-л.’: рус. *тыкать в глаза кому чем* (нет эксплицитного пространственного ограничения) – слвц. *vešat’ niekomu niečo na nos* (ограниченное локализованное пространство) и т. д.

3. «Широта» – «Высота». Для русского жить хорошо всегда значило жить широко, с размахом, выставляя напоказ своё благополучие (эту типичную черту русской ментальности подтверждает ещё свежий в нашей памяти феномен «новых русских»). Богатым был тот, у кого были обширные владения, чья сфера влияния была широка. У словаков доминировало понятие «высота»: хорошо жил тот, кто занимал высокое положение в обществе, мог себе позволить построить высокий дом. Фрейм «Широта» занимает значительное место в концептосфере русского языка, поскольку его основа – понятие «широкий» – воспринимается русским человеком практически как синоним к «хороший»/«соответствующий», в то время как антонимичное «узкий» воспринимается как синоним к «плохой»/«несоответствующий». Подтверждение этому мы находим в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в характеристиках, даваемых Наташей Ростовой Борису: «...[Борис] не совсем в моём вкусе – он **узкий** такой, как часы столовые... Вы не понимаете?.. **Узкий**, знаете, серый, светлый...» (Толстой 1996, т. 2, ч. 3, XIII; выделение наше – Н. К.).² Интересен и тот факт, что у русских человек, живущий *на широкую ногу*, воспринимается в целом нейтрально или даже позитивно, поскольку широта – показатель щедрости, это положительная характеристика; *жить на широкую ногу* значит ‘богато, роскошно, не стесняясь в средствах’, ‘с размахом’ (ФСРЯ, с. 284; Жуков 2007, с. 275). У словаков же человек, живущий *na vysokej nohe*, воспринимается скорее негативно, о чём свидетельствует и толкование значения данной фраземы в словарях: ‘вести жизнь роскошную, зачастую не по средствам, жить не в соответствии со своими возможностями’ (Smiešková 1974, с. 276). Возможно, это связано с глубоко укоренившимся уважением словаков к высоте, достичь которой непросто. Покорить высоту (гору) удаётся нелегко и не каждому, поэтому не каждый должен себе позволять жить «высоко». У русских такого отношения к широте нет, поскольку она присутствует как данность, её не нужно завоёвывать и покорять, но пользоваться ею можно и нужно.

Функционирование фреймов «Широта» и «Высота» мы проиллюстрировали выше на примере фразем *жить на широкую ногу* – *žiť na vysokej nohe*, но укажем также и на следующие параллели: рус. *на широкую руку* – слвц. *plnúť priehráštim* ‘щедро, с размахом (делать что-л.)’, рус. *за тридцать земель* – слвц. *za horami, za dolami* ‘очень далеко’, рус. *расти как трава в поле* – слвц. *rásť ako drevo v hore* ‘расти без присмотра, беспризорно’; рус.

² Пользуясь случаем, выражаю благодарность Н. В. Баско, напомнившей мне об этом примере.

Лингвокогнитивные и ареальные отличия

во всю *ширь* 'всесторонне, с определенной степенью полноты, в полной мере' (нет словацкого эквивалента); словц. *vysoko rúbat' (za'tat)* 'иметь слишком большие амбиции, нескромные желания', *sľubovať hory doly* 'не скупиться на обещания' и др. Как видим, там, где в русской фраземе присутствует широта/горизонталь (земли, широкий, ширь), в словацком эквиваленте – высота/вертикаль (горы, высокий).

4. Абстрактность – конкретность. Данные характеристики очень ярко проявляются в коммуникативном поведении русских и словаков в целом (о коммуникативном поведении русских подробно см.: Стернин – Прохоров 2007). С чисто языковой точки зрения это проявляется в тенденции русской номинации к атрибутивности, а словацкой – к функциональности, что являлось предметом специального внимания лингвистов (см.: Рогаль 2003, Киселёва 2008 и др.). Кроме того, абстрактность русской ментальности в противовес конкретности ментальности словацкой выразительно проявляется в ставшем почти легендарным для русской ментальности концепте «Душа», который является ключевым в концептосфере русского языка и обладает наиболее высокой степенью абстракции и метафоричности по сравнению с другими славянскими языками (Стернин – Прохоров 2007; Wierzbicka 1997; Буянова 2008 и др.).³ Применимость понятия «душа» практически ко всем сферам жизни русского человека отражена во фразеологии, что нетрудно проследить по многочисленным фразеологическим словарям: *тяжело на душе, крик души, душа не лежит к чему-л., душа болит за кого-л./что-л., излить душу кому-л., жить душа в душу, душа нараспаику, с открытой душой, вложить душу во что-л., отвести душу, душа наизнанку у кого-л., что душе угодно, душа не на месте, душа ушла в пятки, душа просит, кривить душой, лезть в душу, поговорить по душам, кошки на душе скребут, не по душе, душа не принимает* и т. д.

В подавляющем большинстве эквивалентных словацких фразем на месте абстрактного лексического компонента «душа» выступает более конкретная лексема «сердце», ассоциируемая с материальным предметом и обладающая существенно более низкой степенью абстракции и метафоричности, а в некоторых случаях субъект (объект), выраженный данной лексемой, в словацком эквиваленте не присутствует вовсе:

тяжело на душе – ťažko na **srdci/pri srdci/okolo srdca**;

крик души – výkrik **srdca**;

с открытой душой – s otvoreným **srdcom**;

вложить душу во что-л. – vložiť sa do *niečoho* celým **srdcom**/telom;

душа ушла в пятки – **srdce** spadlo do nohavíc/gatí;

³ Проф. Л. Ю. Буянова в связи с этим даже предложила назвать концепт «Душа» суперконцептом – см. (Буянова 2008).

душа нараспаику – *má srdce na dlani*;
камень с души свалился – *spadol niekomu kameň zo srdca*;
душа не на месте – *nebyť vo svojej koži*;
душа не лежит к чему-л. – *niečo (niekomu) nevonia*;
душа болит за кого-л./что-л. – *niekto/niečo (mi) robí starosti*;
поговорить по душам – *porozprávaf sa na rovinu/otvorene/úprimne*.

Понятие «поговорить по душам», как отмечают многие исследователи, является специфически русской лингвокультурной реалией, не имеющей аналогов в практике общения других народов, поскольку откровенный разговор – только часть этого комплексного явления (Стернин – Прохоров 2007, с. 99; Сергеева 2005, с. 138 – 139 и др.). С другой стороны, в словацком языке существует формально близкая фразема *prehovoriť niekomu do duše*, однако с иным оттенком значения – ‘увещевать, взывать к совести или здравому смыслу’.

Таблица 3. Абстрактные и конкретные лексические компоненты в эквивалентных фраземах.

<i>Русская фразема (абстрактный или метафорический компонент)</i>	<i>Словацкая фразема (конкретный компонент)</i>	<i>Семантика фраземы</i>
попасть пальцем в небо	streliť сапа	‘сказать не по делу, глупо’
быть на волосок от смерти	ujst’ hrobárovi z lo-paty	‘чудом остаться в живых’
молоть/трепать языком	mať reč ako koza bobkov	‘говорить много и не по делу’
море по колено кому-л.	svet mu/jej je gombička	‘быть бесстрашным; быть безоглядным’
и в мыслях не было	ani v päte to nemá	‘не иметь намерения сделать что-л.’
строить кому-л. козни	šiť búdu na niekoho	‘устроить интриги против кого-л.’
душа ушла в пятки	srdce spadlo do nohavíc	‘сильно испугаться’
подложить кому-л. свинью	pustiť niekomu blchu do kožucha	‘сделать кому-л. гадость, подлость’
махнуть на что-л. рукой	zavesiť niečo na klinec	‘оставить попытки сделать что-л.’

Лингвокогнитивные и ареальные отличия

разбирает злость кого-л.	div z kože nevyletel(a)	'сильно разозлиться'
кормить завтраками/обещаниями	preĎahovať niekomu medové motúzy popod nos	'обещать и не делать'
до седьмого пота	do zodratia kože	'кропотливо, тяжело трудиться'
залить горе	otráviť červíka	'напиться (с горя)'
видеть кого-л. насквозь	vidieť niekomu do žalúdka	'хорошо знать кого-л., предугадывать все его действия'
сводить концы с концами	byť riedkou plachtou prikrýť	'жить в нужде, бедствовать'
сгорать со стыда	hanbiť sa ako pes	'очень стыдиться'
показать, где раки зимуют	naučiť niekoho po kostole písať	'наказать как следует'

Как видно из таблицы 3, эквивалентные русские и словацкие фраземы отличаются прежде всего абстрактным или конкретным характером их основных лексических компонентов: рус. (абстр.) *небо, смерть, море, мысли, душа* – словц. (конкр.) *cap, hrobár, gombička, päta, srdce* (козёл, могильщик, пуговка, пятка, сердце) и т. д. С точки зрения коммуникации можно оценить данные свойства национальной ментальности как более выразительную склонность словаков к конкретности и точности в выражении своих мыслей, а русских – к неопределённости, абстрактности и неточности (вплоть до недисциплинированности). Эту особенность очень верно и в то же время замечательно поэтично подметил В. В. Колесов: «Русская мысль носит размытый, уклончивый характер, даёт возможность различных интерпретаций. Она как бы скользит по яркости образа и пугливо сторонится определённости понятия. Сказать до конца ясно – прямо – значит открыться до времени и тем самым обезоружить себя» (Колесов 2004, с. 27).

Рассмотренные нами фраземы очень точно характеризуют концептосферы породивших их языков, подчёркивая их основные особенности – ведь фразеология является ключом не только к постижению современной национальной ментальности, но и к реконструкции мифологической картины мира как комплекса древнейших представлений народа об окружающей его действительности (см. также: Кошарная 2008, с. 226–227). Суммируя вышесказанное, можно сделать несколько основных выводов:

1. Геоморфологические особенности среды обитания народа (рельеф, климат и т. д.) оказывают влияние на формирование концептосферы его языка (эту проблематику затрагивал ещё Д. С. Лихачёв).

2. У народов, живущих в подобных природно-ландшафтных условиях, обнаруживается больше сходств в концептосферах национальных языков.
3. Фразеология является концентрированным воплощением ментальности народа и отражает систему его традиционных ценностей.
4. Даже в случае заимствования фразеологизмов каждый язык отбирает те из них (или такие варианты одного и того же фразеологизма), которые наиболее соответствуют ментальности говорящего на данном языке народа.
5. Когнитивно обусловленные языковые явления находят своё отражение в особенностях ареальной структуры конкретного языка.

Использованная литература:

Алефиренко, Н. Ф.: Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: ООО «Элпис», 2008. 271 с.

Болдырев, Н. Н.: Категории как форма репрезентации знаний в языке. В кн.: Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева. Под ред. проф. Е. С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005, с. 16–39.

Буянова, Л. Ю.: Концепт «Душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации. В кн.: Фразеология и когнитивистика: Матер. 1-й междунар. науч. конф. В 2-х тт. Отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Т. 1. Идиоматика и познание. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008, с. 76–79.

Жуков, В. П. – Жуков, А. В.: Русская фразеология. Москва: Прогресс, 2006.

Киселёва, Н. Б.: Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны. *Banská Bystrica: FiF UMB*, 2002. 195 с.

Киселёва, Н. Б.: К проблематике сопоставительного анализа этнокультурных концептов во фразеологии западных и восточных славян. В кн.: Фразеология и когнитивистика: Матер. 1-й междунар. науч. конф. В 2-х тт. Отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008, с. 305–308.

Колесов В. В.: Язык и ментальность. Серия *Slavica Petropolitana*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.

Кошарная, С. А.: Мифологическая картина мира в зеркале фразеологии. В кн.: Фразеология и когнитивистика: матер. 1-й междунар. науч. конф. В 2-х тт. Отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008, с. 223–227.

Лингвокогнитивные и ареальные отличия

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка. В кн.: Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. Москва, 1997, с. 280–287.

Рогаль, М.: Лексика с позиций билингвизма. В кн.: Соколова, Я. и др.: Лексика современного русского литературного языка. Теоретический и практический курс. Nitra: FF UKF, 2003, с. 185–230.

Сергеева, А. В.: Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. Москва: Флинта – Наука, 2005. 320 с.

Стернин, И. А. – Прохоров, Ю. Е.: Русские: Коммуникативное поведение. Москва: Флинта – Наука, 2007. 328 с.

Толстой, Л. Н.: Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3, 4. Москва: Лексика, 1996.

Wierzbicka, A.: Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German and Japanese. New York: OUP, 1997.

Фразеологические словари:

Алефиренко, Н. Ф. – Золотых, Л. Г.: Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. Москва: ЭЛ-ПИС, 2008. 472 с.

Жуков, А. В.: Лексико-фразеологический словарь русского языка. Москва: Астрель: АСТ, 2007. 603 с.

Лепешаў, І. Я.: Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: Народная асвета, 1981. 160 с.

Мокиенко, В. М. – Мелерович, А. М.: Фразеологизмы в русской речи. Словарь. 2-е изд., стер. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 853 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1978. 543 с.

Glovňa, J. – Lindner, J. – Obst, U.: Slovakische, russische und deutsche Phraselogismen. Ein Handbuch für Studierende. Nümbrecht: Kirsch Verlag, 2007. 284 s. ISBN 978-3-933586-51-3.

Habovštiaková, K. – Krošlaková, E.: Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava: Veda, 1996. 176 s.

RSFS – Kol. aut.: Rusko-slovenský frazeologický slovník. Bratislava: SPN, 1998.

Smiešková, E.: Malý frazeologický slovník. Bratislava: SPN, 1974. 296 s.

